

Видя, что Чжуй всё ещё колеблется, Чанцзюэ улыбнулся:

— О чём ты беспокоишься? Разве ты не знаешь, на что способно моё мастерство? Никто не сможет победить меня, так что можешь быть спокойна. Как только вы доберётесь до безопасного места, я сразу же догоню вас.

Его слова звучали уверенно, и Чжуй действительно поверила.

Она лично убедилась в величии мастерства Чанцзюэ.

Разве не он тогда с лёгкостью справился с хитроумными ловушками «Руки Смерти» и без труда освободился?

Вспомнив, как Чанцзюэ за несколько шагов разрушил ловушки и спасся, Чжуй наконец избавилась от тревоги.

Она кивнула:

— Хорошо, тогда я ухожу первой.

С этими словами она вместе с чёрными фигурами развернулась и прошла через проход, оставленный охранниками.

Её фигура постепенно удалялась, но вдруг Чанцзюэ заговорил:

— Чжуй, ты помнишь, что говорила мне тогда?

Чжуй, уже уходившая, остановилась и с удивлением обернулась, словно недоумевая, зачем Чанцзюэ задаёт такой вопрос в такой напряжённый момент.

Она знала, что он не из тех, кто станет капризничать в критической ситуации.

Однако, немного подумав, Чжуй ответила:

— Помню. Я говорила, что в этой жизни люблю только тебя, Чанцзюэ. Когда я покину дворец, я буду странствовать с тобой по свету.

— Никто больше?

— Только ты.

Чанцзюэ рассмеялся.

Его взгляд стал мягким, а выражение лица — нежным, словно у трёхлетнего ребёнка.

— Хорошо, иди. Жди меня.

Чжуй кивнула и ушла.

Ночь была наполнена цветами, а звёзды сияли на небе.

Позже, когда Чжуй видела подобные ночи, она всегда задавалась вопросом: как она могла тогда просто развернуться и уйти, оставив его одного?

Он ради неё пожертвовал всем, а она бросила его одного в таком месте?

Чжуйюй бесчисленное количество раз сожалела, что в тот момент, когда Чанцзюэ задавал ей те вопросы, она не почувствовала, что что-то не так.

Какой он был человек? Если бы он не думал, что, возможно, никогда больше её не увидит, зачем бы он стал задавать такие вопросы?!

Каждый раз, вспоминая те вопросы, Чжуйюй не могла сдержать слёз.

Она не знала, с какими чувствами Чанцзюэ отпустил её тогда, но понимала, что за этими немногими словами скрывалась глубокая печаль.

Когда-то Чанцзюэ был своевольным и властным. Он говорил, что если он её любит, то она навсегда будет его.

Если бы он однажды умирал, он бы убил её, чтобы она сопровождала его.

Говоря это, его глаза сияли, как звёзды, а улыбка была мягкой, как вода.

Он обнимал её, взлетая с ней в небеса, защищал её от тысяч бед.

У него было величайшее мастерство в мире, у него было всё богатство мира, и всё это он потерял ради неё.

Чжуйюй и Чанцзюэ прощались, а Юйвэнь Цзюэ всё это время молчал.

Он лишь холодно стоял, наблюдая за Чанцзюэ.

Лишь когда фигура Чжуйюй полностью исчезла вдали, Юйвэнь Цзюэ наконец сказал:

— Она ушла. Ты держался до сих пор, но, похоже, уже на пределе?

Окружающие охранники, всё ещё беспокоившиеся о безопасности Юйвэнь Цзюэ, вдруг замерли.

Их удивление усилилось, когда Чанцзюэ, который казался непобедимым, вдруг пошатнулся.

Он усмехнулся, но на этот раз его лицо выражало лишь слабость и усталость.

Наконец он убрал кинжал, который держал у горла Юйвэнь Цзюэ.

Это был кинжал высшего качества, способный резать железо и перерезать волосы. На рукояти были вставлены разноцветные драгоценные камни.

Этот кинжал Юйвэнь Цзюэ когда-то подарил Чанцзюэ.

Кинжал с грохотом упал на землю.

Чанцзюэ засмеялся:

— Я отпустил её, и этого достаточно. Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Он смеялся так, что начал кашлять кровью:

— Кто, кроме меня, смог бы ранить императора? Но я смог.

— Даже если я не смогу получить её в этой жизни, ты тоже не сможешь!

Чанцзюэ не пошатнулся, сделав два шага назад.

За его спиной была стена.

Чанцзюэ, опираясь на стену, медленно опустился на землю.

Он прикрыл грудь, с трудом сдерживая кашель.

Из рта выступило несколько капель крови.

Алая кровь окрасила его красный рукав, но быстро исчезла.

Ранее, чтобы заслужить доверие Юйвэнь Цзюэ, Чанцзюэ получил ранение, спасая его.

Ранение было глубоким, и за несколько дней оно ещё не зажило.

Всё это время он лишь изображал силу.

В его нынешнем состоянии он никак не мог бы победить окруживших его охранников и сбежать; даже с одним Юйвэнь Цзюэ он теперь не справился бы.

И всё же на его лице не было ни капли печали или боли, лишь радость.

Патриарх Чанцзюэ был сумасшедшим.

Юйвэнь Цзюэ, глядя на Мо Иня с усмешкой, увидел, как тот, страдая от боли, попытался сжаться, и лишь презрительно усмехнулся, наступив ногой на грудь Чанцзюэ.

Тот тут же выплюнул ещё немного крови.

Юйвэнь Цзюэ, казалось, этого не замечал, лишь усиливая давление ногой.

Раньше он относился к Чанцзюэ с большой заботой, никогда не позволяя ему получить ни царапины.

Когда Чанцзюэ был ранен, он приказывал использовать лучшие лекарства; даже во время этой внезапной атаки, беспокоясь о безопасности Чанцзюэ, он всегда ставил его за собой, защищая его!

Для императора такая забота была редкой.

Но теперь всё это лишь усиливало гнев Юйвэнь Цзюэ.

Он наступил на грудь Чанцзюэ:

— Получить, ха? Что ты получил? Сумасшедший! Ты всё ещё не сожалеешь о том, что предал меня? Твоя любимая женщина бросила тебя и ушла.

К этому моменту он уже не мог не видеть, какие отношения были между Чанцзюэ и Чжуйей.

Чанцзюэ лишь кашлянул и усмехнулся:

— Предал? Я никогда не был тебе верен, так о каком предательстве речь?!

— Ты! — Юйвэнь Цзюэ разозлился ещё больше, усиливая давление ногой, и в конце концов не сдержался, сильно пнув Чанцзюэ. — Я научу тебя, что такое верность!

С этими словами он наклонился, поднял кинжал, который выронил Чанцзюэ, и приблизился к нему.

Ногой он прижал его к груди, так что Чанцзюэ не мог сопротивляться.

Юйвэнь Цзюэ, играя ножом, усмехнулся:

— Эта одежда — та самая, которую я когда-то лично выбирал для тебя.

Чанцзюэ ещё не понимал, что он задумал, как вдруг Юйвэнь Цзюэ резким движением кинжала перерезал сухожилия на его запястье.

Кровь мгновенно залила рукав.

Юйвэнь Цзюэ тем же способом перерезал сухожилия на других конечностях Чанцзюэ.

Затем он встал, взглянул на бледного Чанцзюэ и приказал:

— Отведите его и закройте. Я не верю, что он не заговорит!

— Слушаюсь! — Охранники хором ответили.

Эта сцена была сложной для съёмок, и только когда луна поднялась высоко, режиссёр Сунь наконец махнул рукой, давая понять, что всё готово. Однако его брови всё ещё были нахмурены, словно он всё ещё не был доволен. Актеры внутренне стонали, опасаясь, что режиссёр снова оставит их на ночь. И действительно, едва они успели смыть грим и немного отдохнуть, как режиссёр Сунь сказал:

— Все подойдите, проведём собрание. Актеры ворчали, но не посмели возражать, покорно направившись к режиссёру. Мо Инь, вытирая волосы, с сожалением пожал плечами в сторону Янь Мо за пределами съёмочной площадки и тоже пошёл за остальными. Янь Ло зевнула и встала:

— Я больше не могу, уже слишком поздно. Я ухожу первой, если хочешь ждать, жди здесь один. Она похлопала Янь Мо по плечу и ушла. Янь Мо взглянул на неё, приказал водителю отвезти Янь Ло домой, а сам остался на месте. Примерно через 45 минут он, словно что-то вспомнив, достал телефон и отправил какое-то сообщение. Ещё через 5 минут Мо Инь, наконец, был отпущен режиссёром Сунь. Он подошёл к Янь Мо и устало опустился рядом:

— Режиссёр Сунь просто ужасен. Думаю, если так продолжится, я «героически погибну» на своём рабочем месте. Янь Мо:

— Голоден? Пойдём перекусим? Я только что забронировал столик. Услышав это, Мо Инь, который только что выглядел измождённым, сразу оживился. — Да, да, — поспешно кивнул он. Янь Мо: ... И в тот вечер Янь Мо снова накормил Мо Иня. На этот раз они отправились в лапшичную. Поданная лапша выглядела обычной, но на вкус оказалась невероятно вкусной. Бульон на куриной основе, насыщенный и ароматный, а лапша — необычайно упругая и нежная. Сопровождающие блюдо ингредиенты, хотя и казались обычными, обладали уникальным вкусом и текстурой.

<http://bllate.org/book/16376/1481810>